

СЕМЬ

ДОЧЕРЕЙ

ЛОРДА

ГОДИВА

Автор и художник - Доктор Сьюз

Перевод Светланы Зацепиной

© Copyright: Светлана Зацепина, 2017

поглотительные
факты,
касающиеся
истории
одной
обнажённой
семьи

Предисловие и примечания
Викентия Борисова

© Copyright: Викентий Борисов - предисловие, редактирование,
примечания. 2017

Комментарии

К СЕМЕЙНОМУ ДЕРЕВУ СЕМИ ДОЧЕРЕЙ ЛОРДА ГОДНВА

*Слева направо
по часовой стрелке*

ВЕТВЬ МИТЦИ И ДЖЕКА ГЛАЗЗИНГА.

«Queen Mary», «Королева Мария» – трансатлантический лайнер. Был спущен на воду в Глазго со стапелей верфи Джона Брауна 26 сентября 1934 года.

Шаффлбóрд (англ. shuffleboard, shuffle-board) — игра на размеченном столе (англ. Table shuffleboard) или корте (англ. Desk shuffleboard) с использованием киев и шайб, в случае desk shuffleboard, и шайб, которые толкаются рукой. Шайба должна остановиться в пределах определённых линий, отмеченных на столе или корте. Игра зародилась в Англии примерно в середине 16 века.

«Капитан Джинкс из морской пехоты» - пьеса Клайда Фитча, увидевшая свет в 1901 г. Выражение «Horse Marines» можно перевести и как «Моряк-в-седле» – английская идиома, обозначающая «Вздор!», «Человек не на своём месте».

ВЕТВЬ АРАБЕЛЛЫ И ГАРРИ ГЛАЗЗИНГА.

Множество знаменитых «гуферов» - профессиональных бродвейских танцоров.

ВЕТВЬ ДОРКАС ДЖ. И ДИКА ГЛАЗЗИНГА.

Всадник без головы – вспомните знаменитый одноимённый роман Томаса Майн Рида.

Ф. Уоши из Бруклина – победитель в так называемой «ирландской лотерее» 1937 года. Ирландская лотерея зародилась в Ирландии в 1930 г., затем добралась до Северной Америки. Проводилась для получения прибыли с целью финансирования больниц.

ВЕТВЬ ХЕДВИГ И ФРИЛИНГХАЙЗЕНА ГЛАЗЗИНГА.

Мейси – одна из крупнейших и старейших сетей розничной торговли в США. Основана в 1858 году Роулендом Хасси Мейси. А Дж. Н. Мейси, один из членов династии, предложил набивать диваны конским волосом.

«Man-of-war» – судя по всему, очередная игра слов. Дословно – военный, но именно в таком написании – большой линейный корабль.

ВЕТВЬ ТИНИ И ТОМА ГЛАЗЗИНГА.

Поль (Пол) Ревир – американский ювелир, гравировщик, промышленник и патриот. Более всего прославился, своевременно предупредив американское ополчение о приближении британских сил перед битвами при Лексингтоне (Lexington) и Конкорде (Concord) (знаменитая «Скачка Поля Ревира»).

Первая лошадь-качалка была создана в 1803 году.

Беннет Серф – американский публицист, один из основателей издательства «Рэндом хаус», где публиковал все свои книги Доктор Сьюз. Судя по рисунку, не отличался особой щедростью. Кстати, именно так добывают сок для приготовления кленового сиропа – вколачивают в ствол своеобразный краник.

ВЕТВЬ ГУССИ И СИЛЬВЕСТРА ГЛАЗЗИНГА.

Династия Мин – императорская династия в средневековом Китае.

ВЕТВЬ ЛУЛУ И ДРЕКСЕЛЯ ГЛАЗЗИНГА.

Увы – глухая стена, непреодолимое препятствие...

СЕМЬ ДОЧЕРЕЙ ЛОРДА ГОДИВА

АВТОР И ХУДОЖНИК

Доктор Сьюз

ПОЯСНЕНИЯ К ОПИСАНИЮ ФАМИЛЬНОГО ГЕРБА РОДА ГОДИВА

Семь рук, держащих зажжённые свечи, символизируют непрерывные поиски Истины-О-Лошадях, завершившиеся исключительным успехом, о чём свидетельствует яркое пламя, являющееся фоном герба.

Подкова, венчающая герб – символ удачи.

Девиз «Sit Illuminatus Equus» можно перевести следующим образом: «Да прольётся свет на коня» или «Да будет конь озарён светом».

«Sigl.» является сокращением слова «siglum», инициал, т. е. обозначает имя рода Годива.

Леди Клементине Годиве
Леди Доркас Дж. Годиве
Леди Арабелле Годиве
Леди Митци Годиве
Леди Лулу Годиве
Леди Гусси Годиве
Леди Хедвиг Годиве

сей исторический документ
с искренним восхищением посвящается

**Или, выражаясь словами
Бориса Заходера,
«ГЛАВА НИКАКАЯ, из которой,
тем не менее, можно кое-что
узнать»**

Англосаксонская графиня Годива (980-1067 гг.) была женой графа Леофрика, правителя Мерсии, одного из королевств на западе центральной Англии. Согласно легенде, подданные графа страдали от непомерных налогов, и Годива упрашивала своего мужа снизить налоговый гнёт. Однажды на очередном пиру, будучи сильно пьяным, Леофрик обещал снизить налоги, если его жена проедет обнажённой на коне по улицам города Ковентри. Он был уверен, что это условие будет совершенно неприемлемым для неё. Однако Годива поставила благополучие своего народа выше собственной чести и гордости и пошла на этот шаг. Жители города, очень любя и уважая её за доброту, в назначенный день закрыли ставни и двери своих домов, никто не вышел на улицу. Лишь один житель города, «Подглядывающий Том» (*Peeping Tom, Пипинг Том*), решил взглянуть из окна на обнажённую всадницу – и в тот же миг ослеп. Так, незамеченной, она и проехала через весь город. Граф был поражён самоотверженностью женщины и сдержал слово, снизив налоги.

Подавляющее большинство историков считают этот рассказ всего лишь красивой легендой. Но настолько красивой, что ему была суждена долгая жизнь – как в устных и письменных преданиях, так и в искусстве.

В 1678 году жители Ковентри учредили ежегодное празднование в честь леди Годивы. Этот фестиваль проводится и по сей день.

Недалеко от бывшего кафедрального собора Ковентри установлен памятник – леди Годива с распущенными волосами верхом на лошади. Изображение памятника также помещено на печать городского совета Ковентри.

Леди Годиве посвящены поэмы и романы. Образ воссоздан в мраморе, на гобелене, на полотнах живописцев, в кино, на ТВ и даже на обёртке шоколада фирмы «Годива». Археологами найдены витражи с изображением леди Годивы, которые сейчас находятся в сохранившейся церкви первого монастыря, основанного Леофриком и Годивой. В честь леди Годивы был назван астероид (3018) Годива.

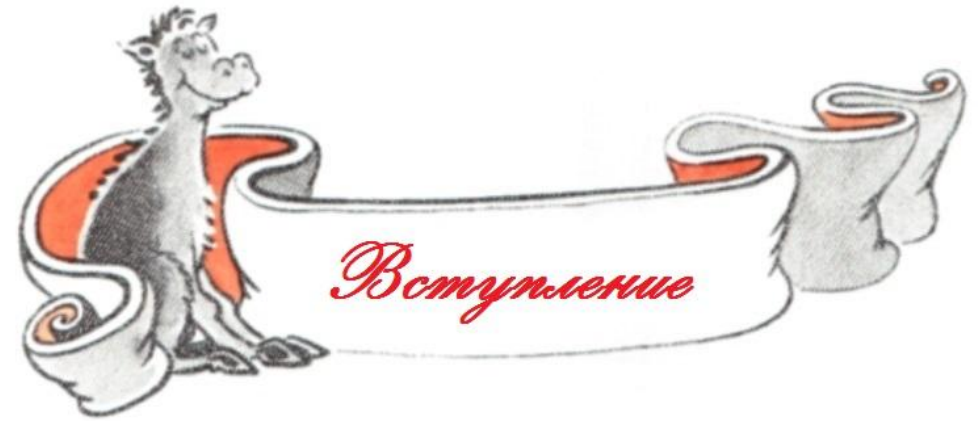
Так что нет ничего удивительного в том, что свой вклад в этот процесс решил внести и знаменитый американский писатель и художник Доктор Сьюз (Теодор Сьюз Гейзел), с присущими ему чувством юмора и иронией переработав старый сюжет. Вот только книга, вышедшая в 1939 году, успеха совершенно не имела. Разочарованный и огорчённый, Доктор Сьюз отказался от дальнейших попыток сочинять для взрослых и целиком переключился на детскую литературу. Впрочем, ей это пошло только на пользу.

Исследователи часто называют Доктора Сьюза американским Корнеем Чуковским. Дети воспитываются на его книгах (во всяком случае, так было до недавних времён; в век интернета чтение, увы, не очень-то в чести). Он удивительно владел английским языком, и то, что выходило из-под его пера, невольно заставляет вспомнить... ну, например, Пятачка, который бежал и кричал в ужасе: «Караул! Ужасный Слонопотам! Слоноул! Карасный Потослонам!» (Кто же не знает гениальнейший перевод сказки о Винни-Пухе, выполненный Б. Заходером?)

И в этой повести, естественно, не обошлось, без игры слов и каламбуров. А также – без трудностей перевода. Начнём с заглавия. Нормы английского языка допускают то, что не допускают нормы русского. И что же, перевести «Семь ледь (ледей?) Годив»? Даже и комментировать не буду. «Семь леди Годив»? Это грамотно? «Семь дам по имени леди Годива»? Громоздко. И выходит, что у бедняжек одно имя на всех семерых. Так что уж оставим, как есть – «Семь дочерей лорда Годива».

Но прозвище «Пипинг» для большего благозвучия и некоторой русифицированности мы заменили на «Глаззинг».

Вот и всё. Приятного вам чтения!

История не освещала ни одну личность так скупно, как Годиву.

Сегодня Годива вызывает в памяти лишь постыдную картину – крупная обнажённая блондинка носится рысью по всему городу верхом на лошади. А где-то рядом всегда бродит Том Глаззинг – сокрытый от взоров людских подглядыватель с неоднозначными намерениями.

Автор чувствует, что настало время обо всём рассказать:

Была не одна – было целых семь дочерей у лорда Годива. И нагота их в действительности вовсе не являлась причиной позора. А что касается Тома Глаззинга, то он ни на кого не глазел и ни за кем не подглядывал. На самом деле, Глаззинг – почтенная старинная фамилия, принадлежавшая древнему роду, и эту фамилию с честью носили и сам Том, и шестеро его братьев.

Чудесное повествование о любви, благородстве и научных изысканиях, которому пришлось слишком долго пылиться, лёжа в архиве.

*Доктор Сьюз
Ковентри, 1939*

Старый лорд Годива

Мая пятнадцатого числа года 1066
лорд Годива, Эрл* всего графства Ковентри,
повелел своим дочерям предстать перед ним
в Большом Северном зале замка Годива.

*Эрл – в Англии то же, что и граф

И в долгом молчании с гордостью глядел на них, ибо все семеро дочерей лорда Годива были на редкость умны. Нигде, думал он с удовольствием, не найдётся и пары молоденьких дам, которые вообще не тратят время на праздность или пустую болтовню. Никаких жеманных движений пышными ягодницами. Никакого пышного оперения. И никакой суетливости. Одни лишь простота и естественность.

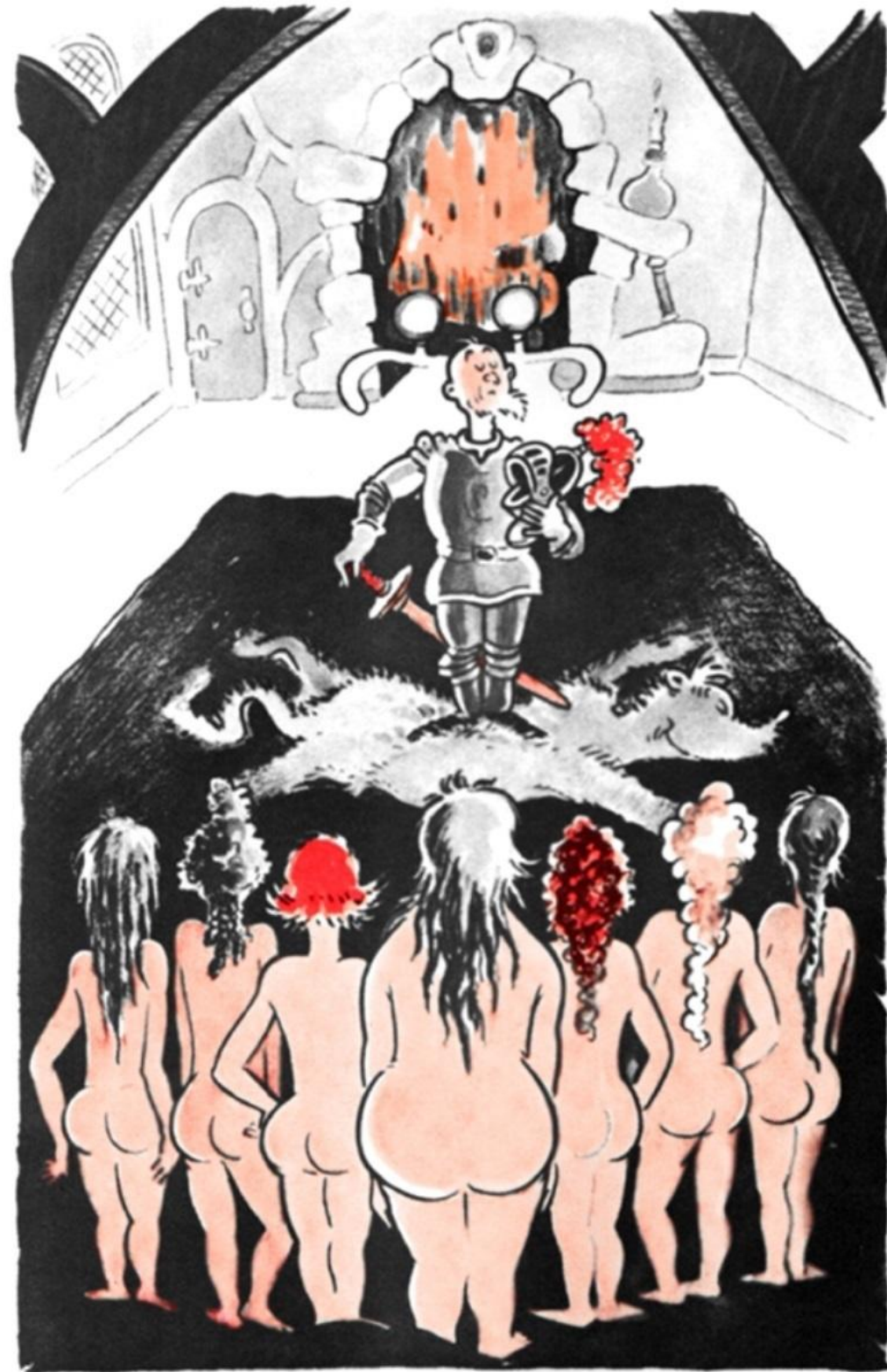
— Дочери мои! — объявил лорд Годива. — Сегодня я отправляюсь на войну при Гастингсе*. — И хладнокровно добавил: — Верхом на коне.

Верхом на коне!

Сёстры обменялись обеспокоенными взглядами. В ту пору в Англии с лошадьми было трудновато. Честно говоря, лорд Годива изучал их повадки в течение долгих лет. Но лошадь для него так и осталась загадкой: заносчивым, упрямым чудовищем, полным уловок и неожиданностей.

— Ну, ну, ну, — ворчал лорд Годива, позвякивая шпорами. — Не будьте такими старомодными. На дворе ведь 1066 год! Решено — я отправляюсь в бой верхом!

*Ироническая отсылка к событиям, которые произойдут спустя несколько месяцев. В октябре 1066 года произошла битва при Гастингсе между англосаксонской армией короля Гарольда и нормандской — герцога Вильгельма

Так сказал лорд Годива. И вышел во двор замка, шаркая металлическими ногами. Рядом по холодной брусчатке шлёпали босые ноги его дочерей.

Внизу уже ждал осёдланный боевой конь по имени Натан. Сквозь дырки для глаз, сделанные в оголовье уздечки, он смотрел, как к нему приближается толпа.

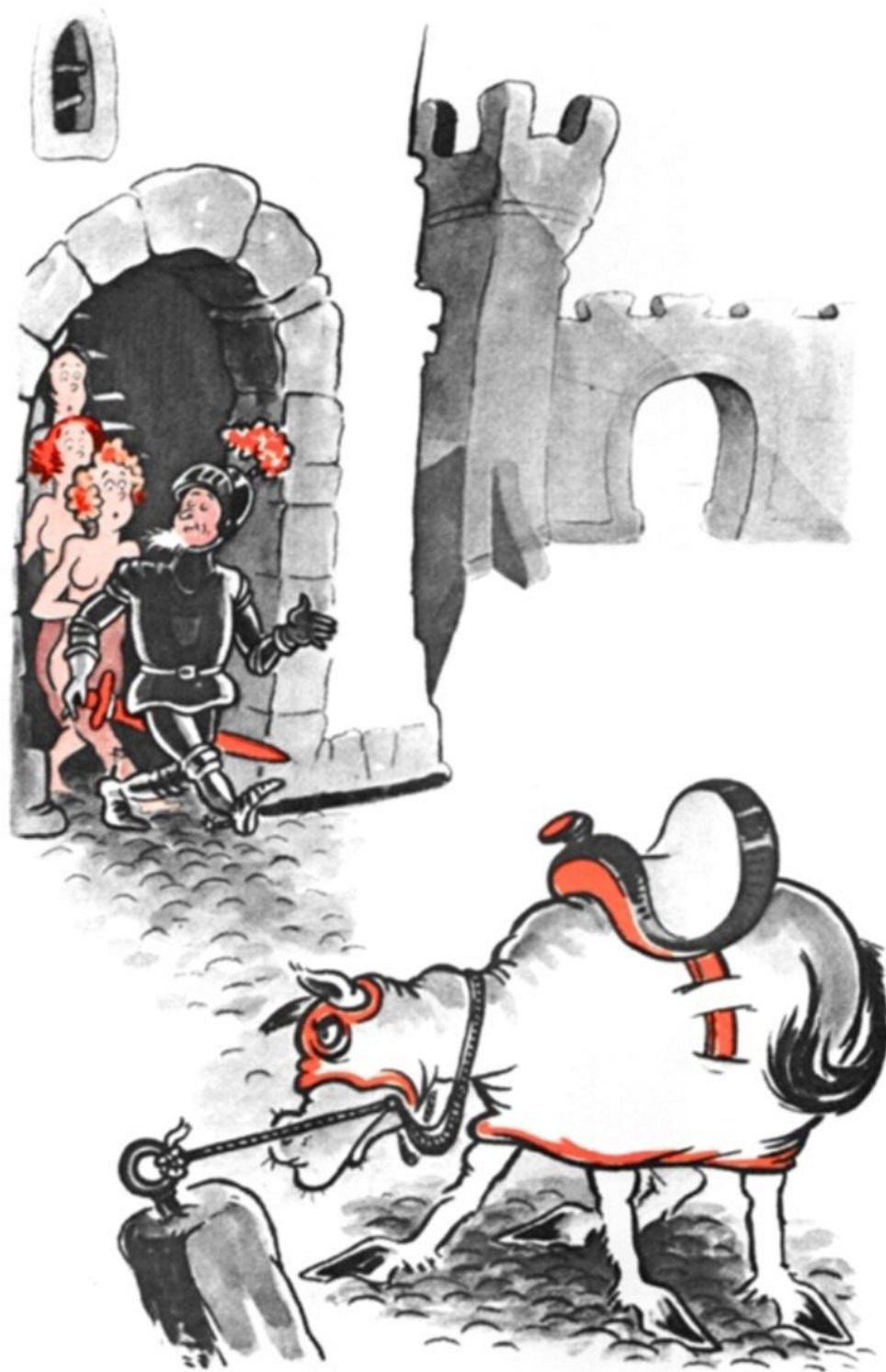
— Хороший конь. — Лорд Годива с улыбкой протянул ему кусочек сахара. Натан не обратил на него внимания, он был угрюм, будто предчувствуя дурное. Лорд Годива засунул сахар обратно в карман доспехов.

Затем вскочил в седло и направился напрямик к подъёмному мосту. Но Натан пошёл вдруг как-то боком и торопливо.

— Удачи тебе! — прокричали девушки хором и замахали платками.

— К победе! — крикнул лорд Годива, отсалютовав большущим мечом.

Но, похоже, крик оказался слишком громким.

Натан взбрыкнул. Его передние ноги внезапно подогнулись, а задние – выпрямились вверх, и он сбросил лорда Годива. Эрл всего графства Ковентри вылетел из седла и полетел шпорами вверх, нагрудником вниз, а затем упал на свой собственный шлем.

К тому моменту, как к нему подбежали дочери, старый вояка был уже мёртв. Как и все нормальные дочери, сёстры Годива горько зарыдали.

Но затем расправили плечи и призадумались над тем, что случилось. Отца больше нет, и виной тому – лошадь! Пришлось девушкам взять на себя суровые обязательства:

«Кони должны быть изучены и описаны, дабы сделать их безопасными для будущих поколений».

Семь рук соединились над телом лорда Годива.
Семь языков вымолвили слова.
Семь обетов были даны.

— Клянусь, — произносила каждая, — что не выйду замуж, пока не пролью в этом мире свет на самую новую и самую ценную Истину-О-Конях к вящей пользе человечества.

Та клятва была воистину великой и геройской. Но сколько времени займут Поиски Истины-О-Конях — ни одна леди Годива не знала. И потому каждая из них пребывала в печали, и сердце её обливалось кровью. Поскольку до этой трагедии каждая из них была влюблена и обручена.

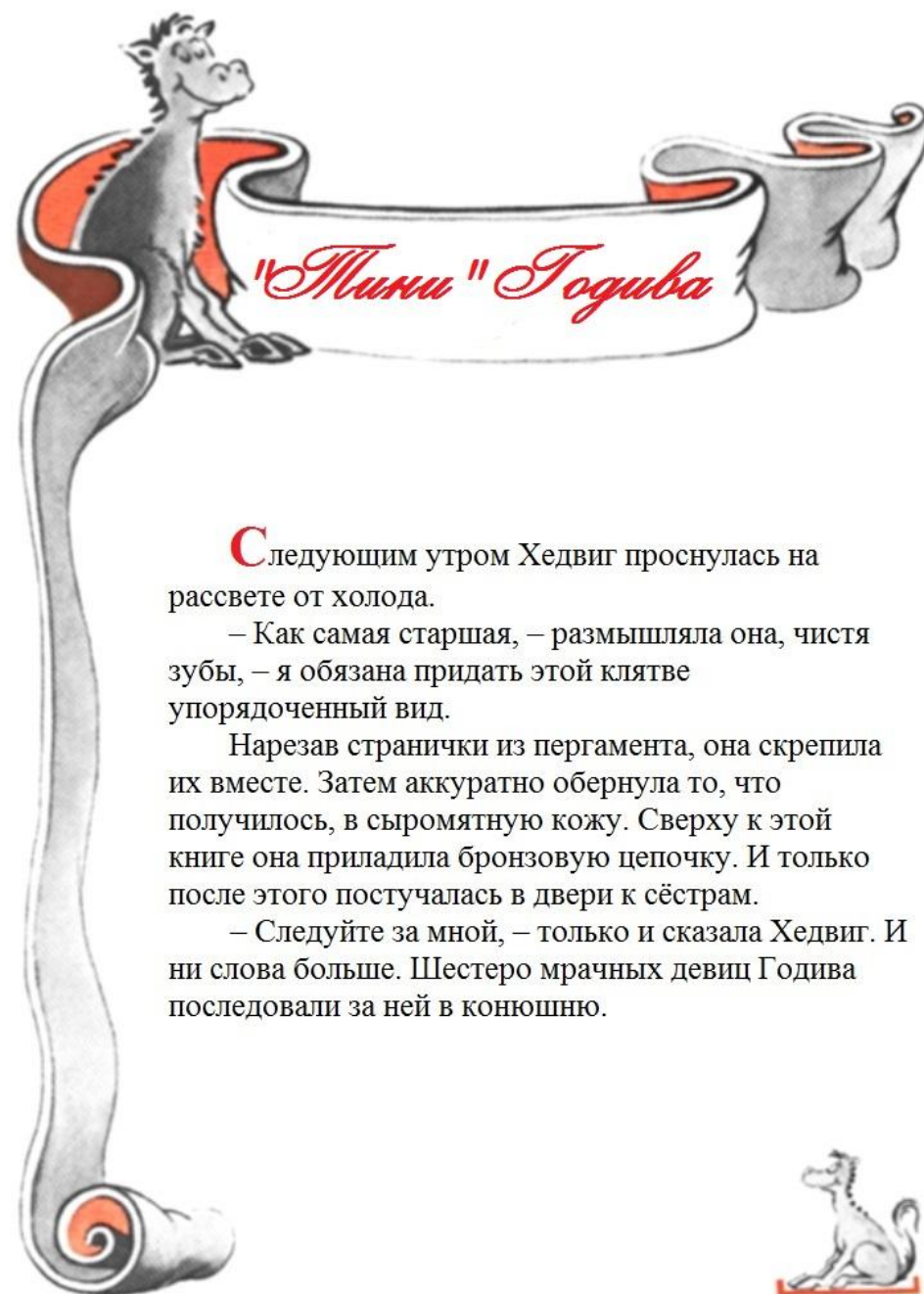

Тем же вечером семеро братьев Глаззинг пришли поухаживать за своими дамами. Но все двери замка Годива были крепко закрыты. На каждой из них висела прибитая гвоздём копия клятвы.

Очень расстроившись, Глаззинг Том, Глаззинг Дик, Глаззинг Гарри, Глаззинг Джек, Глаззинг Дрексель, Глаззинг Сильвестр и Глаззинг Фрилингхайзен побросали букеты в крепостной ров.

И вернулись домой – ожидать.

Следующим утром Хедвиг проснулась на рассвете от холода.

– Как самая старшая, – размышляла она, чистя зубы, – я обязана придать этой клятве упорядоченный вид.

Нарезав странички из пергамента, она скрепила их вместе. Затем аккуратно обернула то, что получилось, в сыромятную кожу. Сверху к этой книге она приладила бронзовую цепочку. И только после этого постучалась в двери к сёстрам.

– Следуйте за мной, – только и сказала Хедвиг. И ни слова больше. Шестеро мрачных девиц Годива последовали за ней в конюшню.

Хедвиг подвесила ту книгу у самых дверей конюшни. Потом показала всем содержание: ровно семь страничек, и все они пусты.

— Где-то находится Истина-О-Конях, — отрубила Хедвиг. — Каждая из нас должна обнаружить хотя бы одну и записать ее на своей страничке. Коль скоро клятва дана, она должна быть исполнена. *Как чья-то страница остаётся лишённой Истины-О-Лошадях, так и жизнь не заполнившей эту страницу лишена будет всякой любви.*

Мёртвая тишина воцарилась на конюшенном дворике. Мысли девушек семейства Годива уносились вдаль — каждая думала о своем Глаззинге ...

Хедвиг топнула ножкой:

— Да что вы застыли, как в воду опущенные?! По коням! — завопила она и первой ворвалась в конюшню.

Звонким звуком копыт огласился весь дворик. Преодолев подъёмный мост, дамы бросились в поля. Вдоль топей и кустов папоротника! Сквозь заросли чертополоха и дрока! Через вересковые пустоши и болота! Вот так начались Великие Поиски!

И на Поиски эти отправились все Годивы, кроме Клементины, которую называли не иначе, как «Тини»*. Она осталась — одинокая, забытая, незамеченная... Увы, Тини Годива была слишком толста, чтоб влезть на какого бы то ни было коня.

Она присела на небольшую кучку овса и разрыдалась. Действительно, на что бедняжке было надеяться? «Нет лошади — нет никакой Истины-О-Конях. Нет Истины-О-Конях — нет Глаззинга. Нет Глаззинга — нет ничего».

Но вскоре сидеть на овсе стало совсем неудобно. Тини поднялась и уныло побрела в конюшню.

* Игра слов. Тини — не только сокращение имени «Клементина», но и «худышка» (teeny, англ.)

Удручённо плелась она от одного стойла к другому. А где-то вдали под солнечным светом её сёстры носились рысцой, галопом, аллюром, заслуживая право на любовь ...

Внутри же было жарко, и лошади дремали, отчаянно скучая.

— Никакого сочувствия, — вздыхала Тини, бредя по проходам.

И тут рядом с ней лениво зевнула кобыла. Это был огромный зевок, грубый и беспардонный. Тини продолжала гордо шествовать далее. Но затем почувствовала нечто странное, остановилась и оглянулась.

Зевок, к её удивлению, всё ещё продолжался. Шире и шире раскрывались лошадиные челюсти. Воистину, это был Зевок Всех Зевков! Он вырос из небольшой щёлки во рту до больших размеров дыры, а потом из дыры — до широко-широко разинутого рта и выпученных глаз. И, достигнув наивысшей точки, застыл в этом положении.

Тини в жизни не приходилось видеть ничего подобного.

— А что, если, — призадумалась Тини, — это вовсе и не зевок? Лошадь, казалось, так и напрашивалась, чтоб её осмотрели.

Она подошла к кобыле. Та спокойно стояла, как будто рада была оказать услугу. Тини подошла ещё поближе и заглянула ей чуть ли не в глотку...

Когда сёстры вернулись в замок перекусить, то нашли Тини в кровати. От макушки до шеи она была замотана бинтами и покрыта целебными мазями.

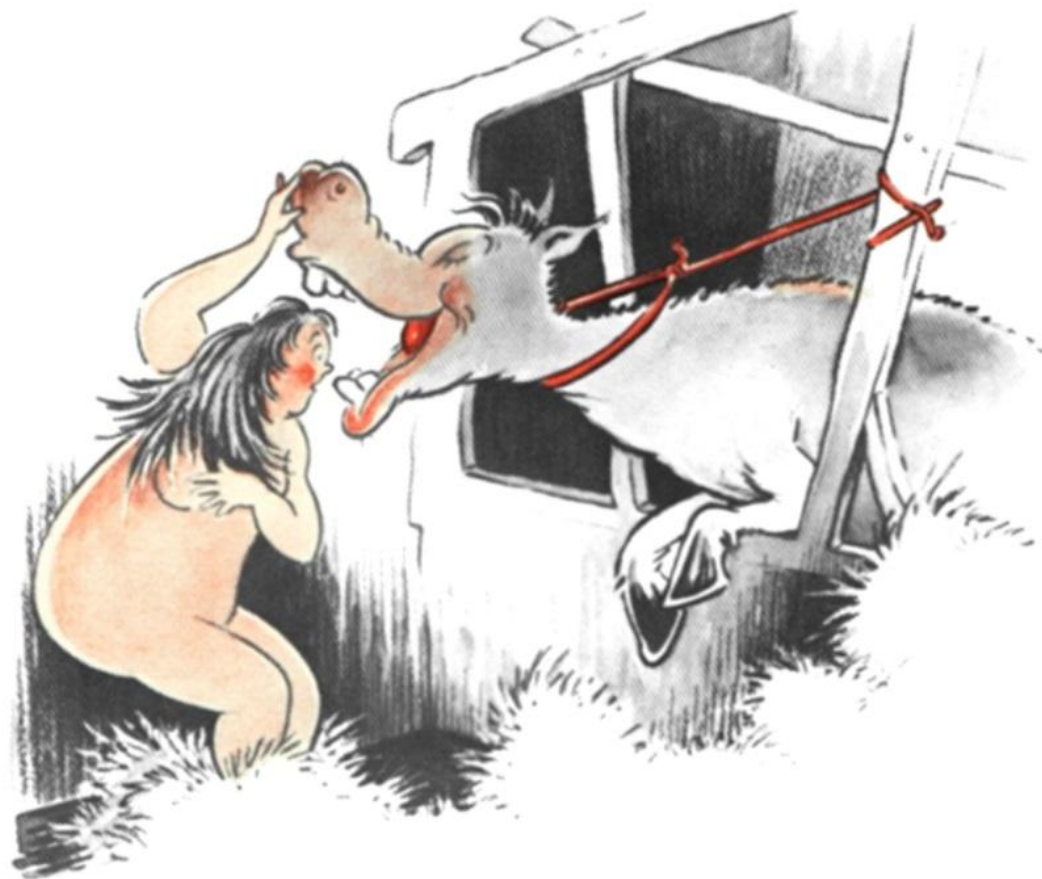
— А мне нос откусили, — простодушно сказала она.

— Тини! Бедная Тини! — От ужаса у сестёр перехватило дыхание.

— Нет, Тини совсем не бедная! — Лучистая улыбка пронизала повязку. — Помните кобылу, которую дядя Этельберт подарил нам на Рождество? Благодаря ей я смогла заполнить мою страничку!

— Ты нашла Истину-О-Конях?

— И ещё какую! — ответила радостно Тини. — **ДАРЁНОМУ КОНЮ В ЗУБЫ НЕ СМОТРЯТ!**

И, несмотря на то, что она была далеко не в надлежащей форме для поцелуев. Тини Годива тем же вечером вышла замуж за Глаззинга Тома.

Утром в холостяцком жилище Глаззингов витало праздничное настроение. Ещё бы: Истина-О-Лошадях обнаружилась в первый же день!

– С такой скоростью, – радовались братья, – мы все переженимся ещё до конца недели!

А в замке, сидя за завтраком, Арабелла, Митци, Лулу, Гусси и Хедвиг Годивы чуть не лопались от счастья. Изыскания казались такими лёгкими!

Только Доркас Годива оставалась безучастной.

– Это – чистой воды счастливый случай, девочки, – заявила она. – Тини просто повезло. И если вы собираетесь и дальше бродить себе туда-сюда по конюшне и позволять лошадям думать за вас, то предупреждаю: Глаззингов вам не видать. Единственный способ чего-то добиться – проводить *Изучение*.

– Какое ещё изучение? – поинтересовалась у неё Лулу, подняв глаза от селёдки.

– Изучение, – пустилась в объяснения Доркас, – представляет собой специальные исследования, а также соотнесение многочисленных факторов, существующих в специфических областях жизнедеятельности. В моём случае предметом Изучения являются Транспортные Перевозки На Конной Тяге.

Но сестёр это не интересовало. Оставив их болтать и слоняться по конюшне в ожидании, что Правда-о-Лошадях сама упадёт к ним в руки, рассудительная Годива начала свои Изучения.

В кабриолетах и двуколках, в экипажах и фаэтонах гроыхала она по проезжим и непроезжим дорогам Ковентри. Каждый день — другая повозка, и каждый день — та же самая лошадь, за малейшим движением которой Доркас следила своим зорким и внимательным глазом.

Однако Фидвик — её конь — был крепким орешком. Спокойный и тихий, он тащил любые повозки безо всяких эмоций. И свою Правду, если таковая и имелась, выдавать не спешил.

«Мои повозки, — подумала Доркас, — хорошо бы сделать более неприятными. Фидвик слишком уж самодовольный. Ему нужна хорошая встряска».

И она соорудила гичку, назвав её «Повозка-Сверху». Детали были пристроены нарочито низко, поэтому на каждом четвёртом шагу, когда конский зад поднимался, доски ритмично били по крестцу.

Доркас оказалась права. Самолюбие Фидвика было явно уязвлено. В его глазах появился лёгкий намёк на протест.

Она решила ещё немного задеть его самолюбие...

Следующий экипаж получил название «Вагон-Снизу». Фидвик принял его с презрением и откровенным недовольством. Он едва успел привык к той повозке, что была сверху, а тут презренная женщина умудрилась что-то приладить к нему снизу, прямо между колен, так что приходилось шагать враскорячку, некрасивой, недостойной и кривоногой походкой.

Его расположение духа к концу дня было – хуже не придумаешь.

А Доркас ликовала. В тлеющих недрах этого всё возрастающего недовольства вызревало нечто – и возможно, та самая Истина-О-Лошадях!

Поэтому Доркас решила действовать дальше.

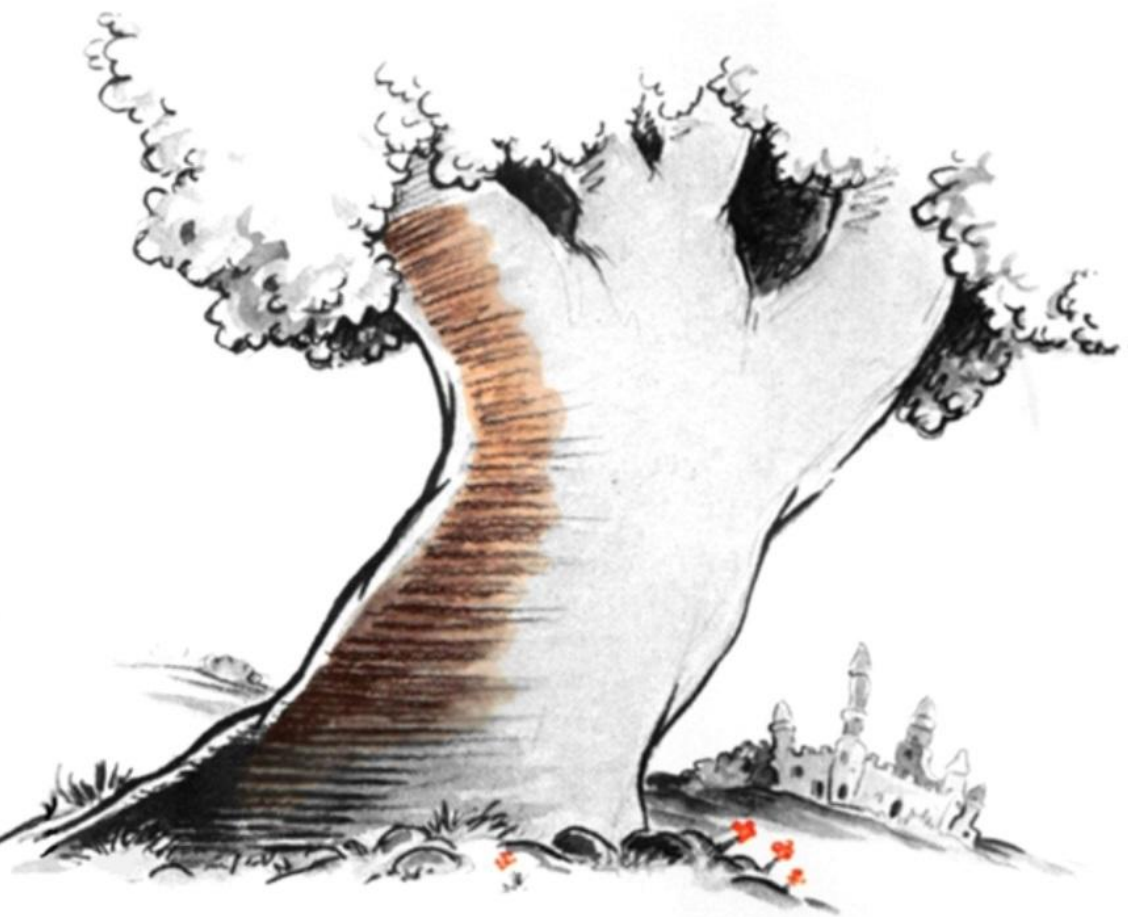

То, что она соорудила на этот раз, называлось «Повозка-Спереди». С точки зрения Фидвика, экипаж никогда ещё не сооружался до такой степени безмозгло. И весь этот бред – только для того, чтобы поставить коня сзади...

– Пошёл! – крикнула Доркас как можно более оскорбительным тоном.

Это «Пошёл!» и стало последней каплей для Фидвика.

В глазах его вспыхнули красные, затем оранжевые, затем – зелёные, синие, фиолетовые огоньки. Фидвик ощутил, что внутри него как будто что-то взорвалось...

В грандиозном столкновении Лошади-С-Деревом, подобного которому ранее никогда не видели в Ковентри, Доркас Дж. Годива обнаружила Истину-О-Лошадях под номером 2. И вот в чём была суть этой Истины:

– **НИКОГДА НЕ СТАВЬТЕ ПОВОЗКУ ВПЕРЕДИ ЛОШАДИ!**

Если у какой лошади и были причины запить горькую, то это у Брутуса. Арабелла заездила беднягу вдребезги. Так неистово она хотела выйти замуж за Глаззинга Гарри, что даже во сне скакала на лошади, как сумасшедшая.

Свадьбу, однако, пришлось на некоторое время отложить. Ибо понадобилось более пяти месяцев, чтобы удалить кучу заноз и сделать Леди-Исследовательницу достаточно безопасной для её жениха – Глаззинга Дика.

По ночам походкой лунатика шла она в конюшню, и всю ночь напролёт болталась по холмам с закрытыми глазами.

Бругус, само собой, страдал от подобного гнёта. И как-то раз узнал, что забродившее месиво на дне силосной башни приносит успокоение и облегчает его мучения. Поэтому, уловив момент, он на кончиках копыт подкрадывался к силосной башне, не отказывая себе в маленькой радости – тихо и спокойно напиться.

И в скором времени превратился в отпетого забулдыгу.

— Вы только посмотрите на *него*! — воскликнула однажды Арабелла.

Брутус страдал от тяжелейшего похмелья, которое когда-либо приходилось переживать человеку или зверю. Он лежал, распластавшись на мятой соломе, глаза налились кровью, ноздри подёргивались. А одурманенная голова кружилась, лишённая какого бы то ни было лошадиного разума. Так что помощи в научных исследованиях от него ждать явно не стоило.

— Он же пьяный! — заявила Арабелла. — Я хочу другую лошадь. Но Хедвиг резко оборвала её:

— Я знавала Брутуса еще жеребёнком. И он был абсолютно нормален. А то, что с ним творится сейчас — это твоя вина. Так что он остаётся у тебя, что бы ни случилось! Идёмте, девочки. — И сёстры ушли из конюшни.

Арабелла злобно глядела на старого пьяненького Брутуса. От этого распущенного увальня зависел её путь к свободе! Что ж, пришло время для решительных действий. Брутуса необходимо перевоспитать.

— О, ради всего святого! Приди же в себя! — зашипела она, дёргая изо всех сил за уздечку.

Медленно, преодолевая боль, он поднялся на ноги. И стоял, качаясь из стороны в сторону, как будто конечности его были сделаны из резины. Но стоило ему увидеть силосную башню в открытом окошке, как тут же его мутный взгляд прояснился.

— О нет, не пойдёт! — закричала на коня Арабелла. И потащила бедное создание на двор, прямиком к поилке.

– Чтоб я пил воду?! – содрогнулся Брутус. – Умру, но не буду!
И умер.

Арабелла записала ту Истину-О-Лошадях на своей страничке в
Клятвенной Книге с исчерпывающей простотой:

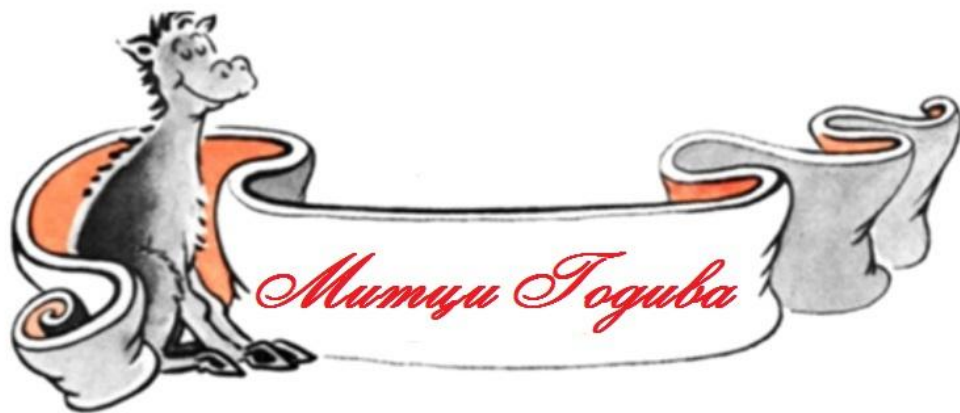
– **МОЖНО ПРИВЕСТИ ЛОШАДЬ К ВОДОПОЮ. НО НЕЛЬЗЯ
ЗАСТАВИТЬ ЕЁ ПИТЬ!**

А ниже самодовольно добавила крупным размашистым
почерком:

«К тому времени, когда вы, старые девы, это прочтёте, я уже
буду миссис Гарри Глаззинг».

«*Митци, любовь моя*, — писал здоровяк-моряк Джек Глаззинг, сидя в «вороньем гнезде»* на марсе корабля «Пляшущая Королева Мэйв»**, который ходил туда и обратно по торговому пути к Краю Света. — *Прошло 7 лет. Как обстоят дела с Истиной-о-Лошадях? Твой верный возлюбленный, Джек Глаззинг*».

Запечатав письмо поцелуем, он отправил его с первой же оказией в порту Бру-На-Боинн. Из Бру-На-Боинна «морской почтой» поплыло оно на ялике в Куин Селин, в Брениг Лаг и в Твил-он-Тайн, а уже дальше отправилось на телеге, запряженной волами. Так это любовное письмо и дошло до графства Ковентри.

И застало Митци в конюшне на Иванов день, что пришёлся на ужасный жаркий август 1073 года.

***Воронье гнездо** (англ. *Crow's Nest*) — исторический морской термин, которым образно обозначался наблюдательный пост в виде открытой бочки, закреплённой над марсовой площадкой фок-мачты парусного судна, где размещался наблюдатель

****Медб** (др.-ирл. *Medb*, среднеирл. *Medb̃*, *Meaðb̃* = *Medhbh*, *Meadhbh*, ирл. *Meabh*, англ. *Maive*, в англоязычных странах общепринято произношение **Мэйв** — в пер.: *опьяняющая, упоительная*) — воинственная божественная королева Коннахта, одна из центральных фигур ирландской мифологии

Читая эти милые слова, Митци унеслась мечтами вдаль... Конюшня, лошади – всё испарилось. Она слышала пронзительные крики чаек, ощущала привкус солёных брызг. В ушах неумолчно грохотали мощные волны. Ей захотелось лобстеров и мидий ... Митци Годива воистину была под стать своему возлюбленному моряку.

Но виденья исчезли. И в ноздри ударил всё тот же запах затхлой соломы. Митци Годива вновь вернулась в конюшню. К лошадям! Тупо жующим сено сухопутным созданиям! Ах, если бы они были морскими – ведь это совершенно другое дело!

«Морские коньки... – задумалась Митци. – Замечательная идея. Надо исследовать лошадей с точки зрения плавания в море».

И в неистово-легкомысленном возбуждении ушла с головой в проблему превращения коней в водоплавающих. Заставляя лошадей пересекать пруды и плавать в заливах. Вынуждая их нырять с прибрежных скал и есть морскую капусту.

Когда лошади полностью освоились с водой, Митци приступила к своему Великому Опыту.

Она придумала и сама соорудила лодку на лошадином ходу. И назвала её «Глаззинг Джек», в честь своего возлюбленного.

И то была прекрасная лодка, опережающая время своё, да и работала она идеально.

И вовсе не из-за отсутствия мускулатуры у морского коня опыт закончился неудачей. А из-за постоянных ударов по тяжёлым дубовым деревяшкам дорожки для бега. И на полпути лошади валились с ног от того, что их Копыта Загорались.

Так что «Глаззинг Джек» оказался прогулочной лодкой в один конец. Митци затопила её и снова стала размышлять над задачей.

И вот на следующий год одним бурным мартовским днём Митци спустилась к причалу и устремилась вверх по реке на лодке «Глаздинг Джек-2».

Митци была у руля, Кlover бежал по дорожке, а Даплс – запасной конь – восседал высоко на корме. Не взирая на сильное и быстрое течение, Кlover всё ускорял ход. И через три часа разогнал лодку до добрых тринадцати узлов. Но тут ему пришлось остановиться. Сгорели Копыта.

– Даплс, – скомандовала Митци, самонадеянно ухмыляясь, – займи место на беговой дорожке. Спускайся вниз и ступай вперёд!

Этот прекрасный план должен был увенчаться полным успехом.

И увенчался бы, если бы Дашпкс следовал указаниям Митци. Но вместо того, чтобы пройти сбоку, как ему было сказано, Дашпкс взял да и прыгнул напрямик через голову Кловера.

В результате произошла разрушительная катастрофа.

Обломки от крушения «Глаззинг Джек-2» унесло вниз по реке. Никто не заметил, куда делись кони, но сёстры видели, как Митци оказалась в стремнине, зацепилась за обломки лодки и безудержно поплыла по направлению к морю.

— Вот запись для Клятвенной Книги, — донёсся надрывный голос. — **НИКОГДА НЕ МЕНЯЙТЕ ЛОШАДЕЙ НА СЕРЕДИНЕ РЕКИ!**

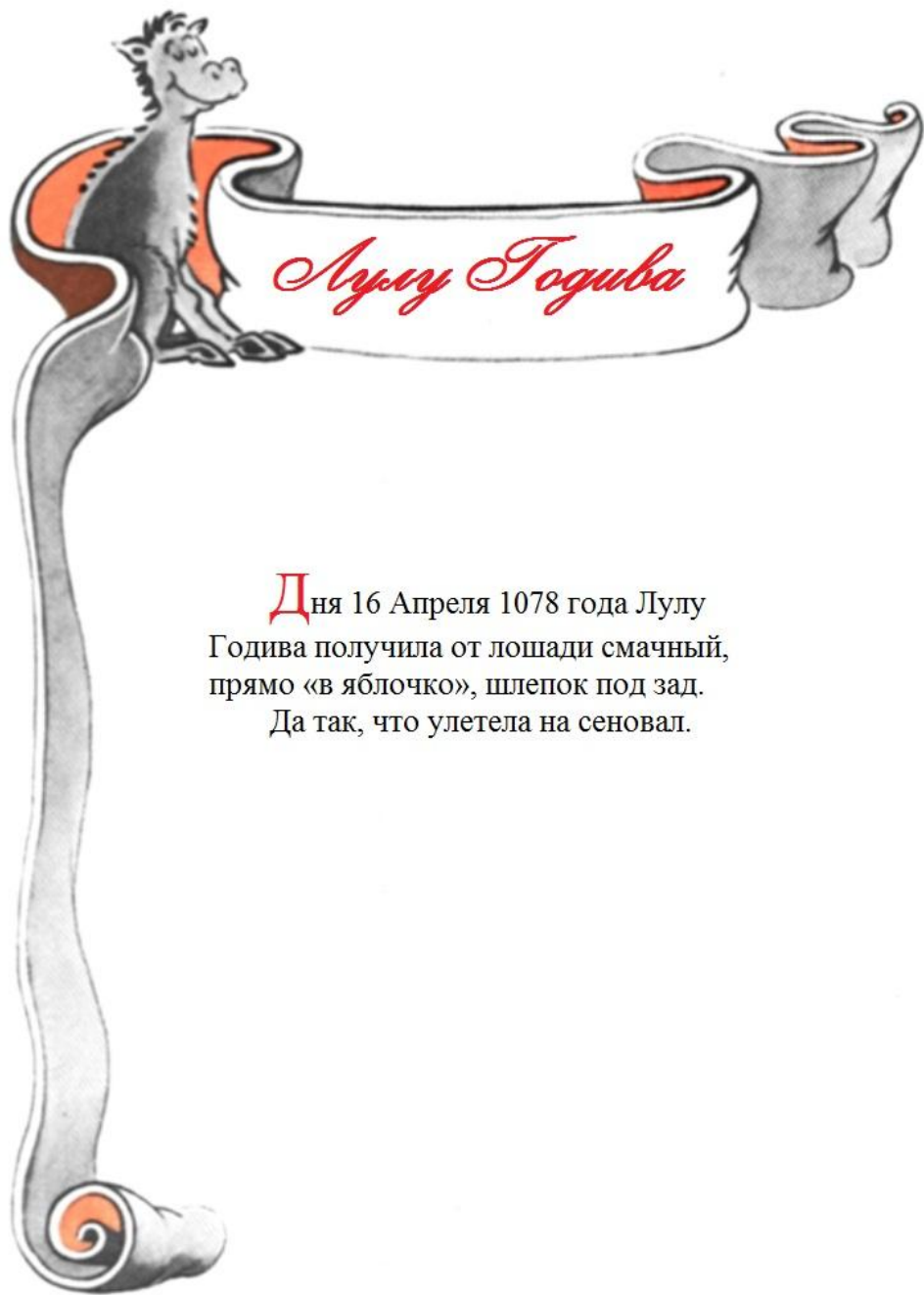
Через несколько дней её выловили у берегов Гернси*, и, как ни странно, — именно корабль «Пляшущая Королева Мэйв».

А спас её никто иной, как милый Глаззинг Джек.

И капитан обвенчал их в открытом море.

*Гернси — остров в проливе Ла-Манш в составе Нормандских островов. Судя по географическим названиям, бедняжку Митци отнесло на самый юг Британии...

Дня 16 Апреля 1078 года Лулу
Годива получила от лошади смачный,
прямо «в яблочко», шлепок под зад.
Да так, что улетела на сеновал.

И там в соломе, к своему удивлению, нашла алмазную булавку от галстука Дрексела Глаззинга. Он потерял её во время их последнего любовного свидания.

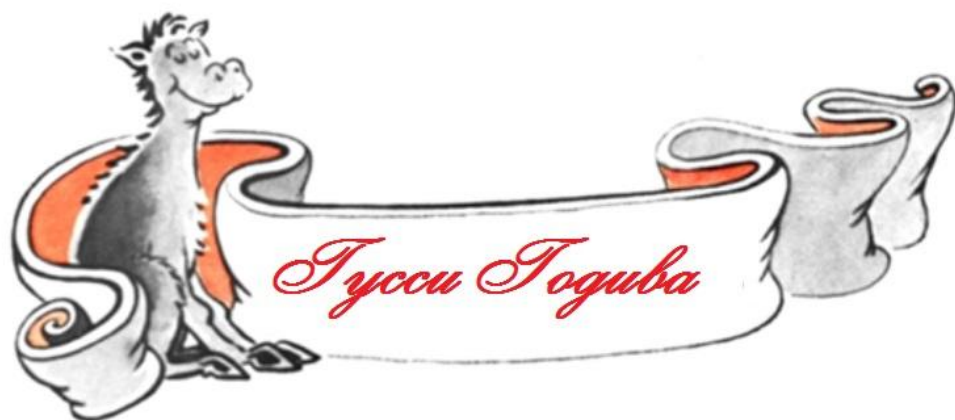
Так Лулу и открыла, что **ЛОШАДИНЫЕ ПОДКОВЫ ПРИНОСЯТ УДАЧУ.**

Она помчалась стрелой к Клятвенной Книге, вписала туда эту краткую Истину-О-Лошадях, и навеки покинула родной дом.

Число сестёр Годива сократилось до двух. Прошло десять зим с тех пор, как Лулу вышла замуж за Дрекселя Глаззинга. А Гусси и Хедвиг всё ещё упорно трудились в конюшне, стараясь найти – но, увы, безрезультатно – хоть какую-нибудь Истину-о-Лошадях.

Хедвиг Годива, всегда спокойная и оптимистичная, встречала каждый новый день с терпением и надеждой. Но Гусси слишком много думала о любви. Убитая горем, она сгорала на глазах от глубокой страсти.

Каждую ночь ей виделись сны, явно не подходящие девице. Проснувшись в тоске, она зажигала свечу и сидела всю ночь, недвижно взирая на портрет своего жениха – Сильвестра.

«Иди ко мне, любовь моя, – будто шептало его изображение. – Иди ко мне, возлюбленная, и чёрт с ней, с этой твоей клятвой!»

«Любимый мой, – безмолвно вздыхала Гусси, – если б я только осмелилась...»

В году 1091 за три ночи до Михайлова дня Гусси уступила бушующей страсти своей. Разорвав простыни, она связала верёвку и стала спускаться тайком из окна высокой башни. Как раз был канун дня рожденья Сильвестра. Клятва – клятвой, но Гусси намеревалась приятно удивить его.

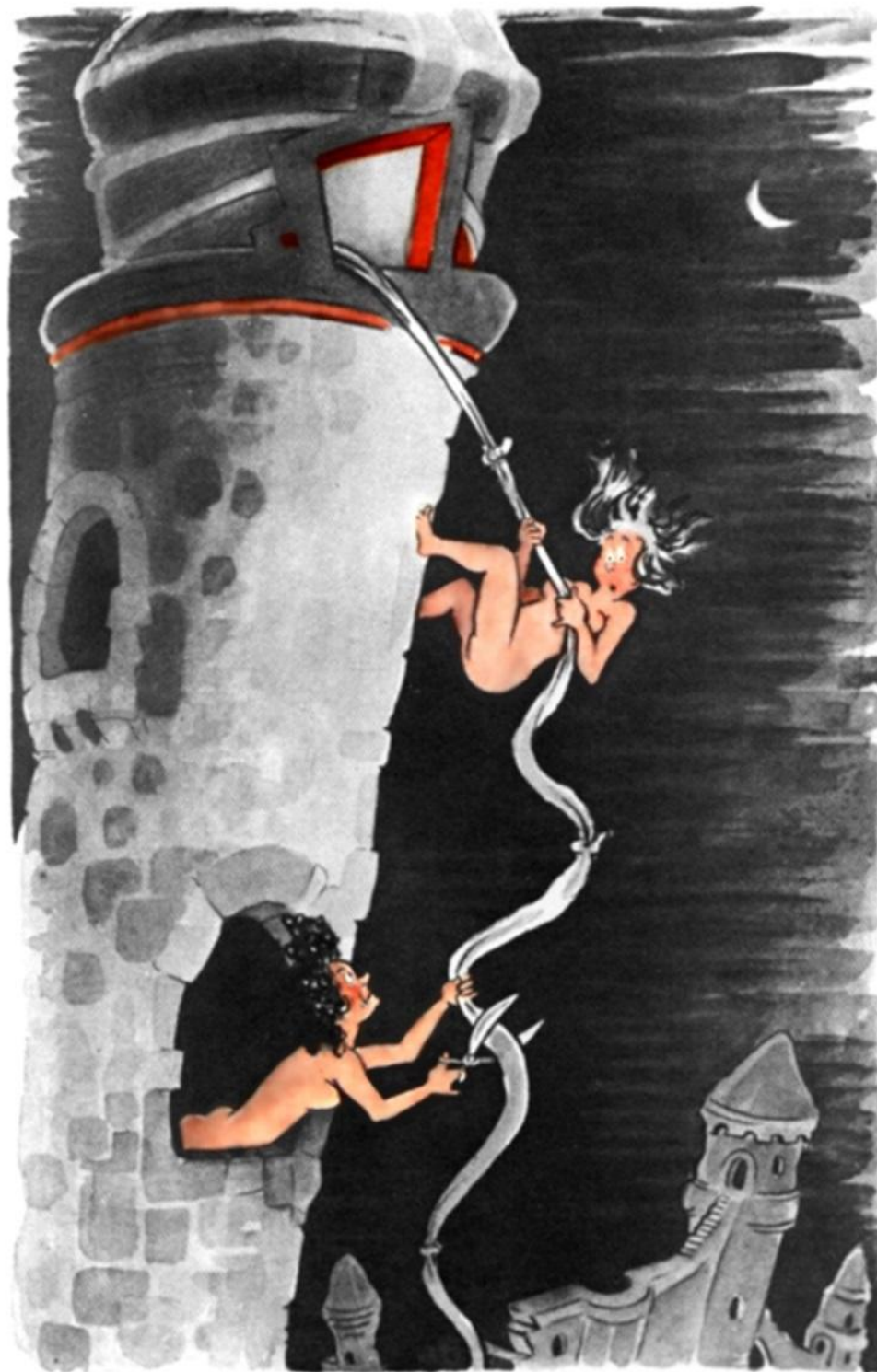
Однако выяснилось, что она удивила только Хедвиг, у которой был очень чуткий сон.

– Немедленно лезь назад по этой же верёвке! И впредь, юная леди, ты будешь под присмотром ежеминутно, – строго сказала Хедвиг.

Вконец расстроенная бедняжка Гусси полезла наверх, сознавая, что ускользнуть от пронизательных глаз Хедвиг, ей, как ни крути, не удастся. Выхода нет. *Она обязана отыскать Истину-О-Лошадях.*

Пришлось ей напрячь весь свой ум – так, как никогда прежде. В мозгу стремительно мелькали мысли, одна диковиннее другой.

И на рассвете вдруг появилась Истина-О-Лошадях – удивительная, но непреложная, вне всяких сомнений.

Хедвиг усердно наблюдала за Гусси, спрятавшись за повозкой, и увидела, как сестра с горящими глазами мчалась к конюшне, прижав к груди некий свёрток. Как с развивающимися распущенными волосами шмыгнула внутрь. И ветхая дверь с шумом закрылась за ней.

С минуту всё было тихо-тихо. Хедвиг вся обратилась в слух. Внезапно сквозь стены донеслись некие звуки. Шорох и шелест от разрывания обёрточной бумаги... Непонятная встревоженная поступь лошадиных копыт...

Звук льющейся жидкости! Испуганное ржание!

И тут дверь конюшни распахнулась настежь!

И на свет божий выскочила Гусси Годива, прильнув к спине орущей, будто взбесившейся, клячи, раскрашенной от чёлки до копыт в умопомрачительный сине-зелёный цвет!

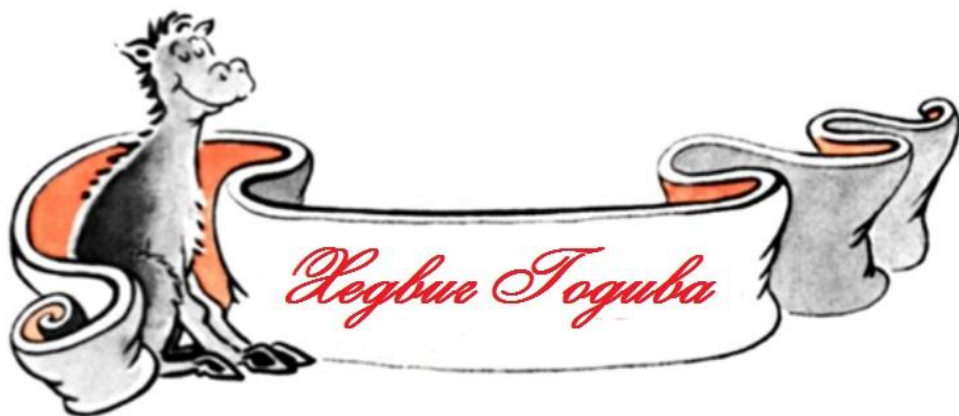
– Вот, – истошно кричала всадница, – вот моё открытие! Это - **ЛОШАДЬ ДРУГОЙ МАСТИ***!

*Непереводимая игра слов. В английском языке фраза «a horse of another colour» является идиомой, аналогична русскоязычному выражению «Это совсем другое дело».

Скача галопом вниз по дороге, подобно безумной комете, опьяневшая от свободы Гусси Годива распевала во всё горло. Степенные холмы графства Ковентри краснели от стыда, услышав этот вульгарный, осипший, фальшивый и скверный голос:

– Эй, диддл-дестер,
Эй, дуди-ду!
Глаззинг Сильвестр,
Я к тебе иду!!!

Ни Хедвиг, ни Глаздинг Фрилингхайзен не становились моложе. В семьдесят лет он потерял работу арфиста в школе графства. Когда пальцы его огрубели, школьный совет уволил Фрилингхайзена.

«Теперь я могу проводить всё свое свободное время, – писал он Хедвиг, – обдумывая планы нашей будущей свадьбы». Каждый погожий день преданный старый обожатель паковал корзинку и отправлялся с собачкой на вершушку холма, где и лежал целый день на солнцепёке, взирая на замок Годива.

Башни его ещё высоко возвышались, но уже не столь горделиво. Кое-где зубчатые стены крепости обветшали и обвалились в ров. А колокол на сторожевой башне покрылся плесенью. Повсюду росли сорняки, терновник, кислица.

Замок Годива медленно, но неуклонно разрушался.

Забрав кровать и стол, Хедвиг давным-давно поселилась в конюшне. С каждым днём положение ухудшалось. Время брало свою плату, разрушительно воздействуя на стойла.

И к дню 31 декабря 1105 года осталась всего одна лошадь - Парсифаль. Бедный древний конь был на пороге смерти от гриппа. Но Хедвиг, не позволяя панике и истерике овладеть собой, неустанно заботилась о больном, давая ему каждый час миску горячего гиппокрасса* и обвязывая бока на полчаса свежей нагретой соломой.

По мере того как старый год убывал, Парсифаль понемногу оживал. Хедвиг, решив поднять его дух, достала рог и протрубила приход Нового года. Это был не просто знак, но молитва. Надежды всей своей жизни вложила она в это трубное звучание. И что-то внутри Парсифаля отозвалось на призыв.

Хедвиг, наконец, ушла спать, улыбаясь. Она отвратила угрозу от бедняги. Парсифаль будет жить.

*Гипокрас – алкогольный напиток из вина, сильно подслащённого мёдом или сахаром и приправленного «королевскими», то есть благородными, пряностями; имеет древнее происхождение и в Средневековье был распространён по всей Европе. Согласно легенде, название образовано от имени древнегреческого медика Гиппократ. В данном случае – очередная игра слов: удвоение букв «п» и «с» превращают это название в «лошадиный салат»

И он выжил, но Хедвиг никогда в жизни больше его не видала. Измучившись, она крепко заснула, а в это время в дом тихонько пробрались конокрады.

За час до рассвета Хедвиг внезапно проснулась. Стоило Парсифаля опустело. Её последнюю лошадь украли!

Любая другая утонула бы в слезах.
Но Хедвиг Годива была совершенно иной. В самой что ни на
есть удручающей ситуации она не опустила рук и судорожно
пыталась высосать из пальца хоть какую-то Истину-О-Конях!
Она вышла на двор, заперла двери конюшни и вдруг
воскликнула:
— Есть! **НЕ СТОИТ ЗАПИРАТЬ КОНЮШНЮ ПОСЛЕ
ТОГО, КАК ЛОШАДЬ УКРАЛИ!**

Звёзды над графством Ковентри перемигивались, наблюдая за ней. С истлевшей от времени фатой, засунутой в сумку, Хедвиг, утопая в сугробах и мурлыча себе под нос, энергично шагала к дому неизменно и терпеливо ждущего её Глаззинга.

